

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.26>

Вялых Владимир Владимирович

КОНСТИТУИРОВАНИЕ МНЕМИЧЕСКОГО АВТОРИТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Конституирование современных модификаций авторитаризма связано не только с практикой политического и экономического подчинения общества, но и с действиями, направленными на переформатирование его сознания посредством информационно-коммуникативных технологий. Для этого властвующим субъектом используется особый набор практик, воздействующих на способность индивида и общества к запоминанию и воспроизведению информации о событиях прошлого в настоящем - мнемический авторитаризм. Под этим понятием понимается процесс переформатирования пространства памяти индивида и общества посредством определенных социокультурных практик, связанный с отчуждением индивида от оценки некоторых событий прошлого в пользу их понимания в соответствии с ценностно-нормативной матрицей властвующего субъекта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/26.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 131-135. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Социальная философия

Social Philosophy

УДК 1; 316.462:81.42

Дата поступления рукописи: 11.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.26>

Конституирование современных модификаций авторитаризма связано не только с практикой политического и экономического подчинения общества, но и с действиями, направленными на переформатирование его сознания посредством информационно-коммуникативных технологий. Для этого властвующим субъектом используется особый набор практик, воздействующих на способность индивида и общества к запоминанию и воспроизведению информации о событиях прошлого в настоящем – мнемический авторитаризм. Под этим понятием понимается процесс переформатирования пространства памяти индивида и общества посредством определенных социокультурных практик, связанный с отчуждением индивида от оценки некоторых событий прошлого в пользу их понимания в соответствии с ценностно-нормативной матрицей властвующего субъекта.

Ключевые слова и фразы: авторитаризм; мнемическая сфера; властвование; интерпретация; конформизм; автономия; культура.

Вялых Владимир Владимирович, к. полит. н.

Оренбургский государственный медицинский университет

vylix@mail.ru

КОНСТИТУИРОВАНИЕ МНЕМИЧЕСКОГО АВТОРИТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Актуальность заявленной проблемы определяется тем, что конституирование современных модификаций авторитаризма связано с поиском форм позитивной легитимации, ненасильственного воздействия на индивида и общество. Одной из таких форм является опосредование восприятия исторического прошлого, что связано с переформатированием сознания общества и индивида. В результате этого переформатирования властвующий субъект, апеллируя к наследию прошлого, стремится легитимировать свои действия в настоящем и будущем. Условием этой позитивной легитимации становится идентичность, основанная на схожем восприятии знаковых исторических событий большей частью общества и властвующим субъектом. Следует отметить, что мнемические практики применяются в разных типах властвования, в том числе и в демократических. Но особенностью авторитаризма является срединный подход к мнемическим практикам: с одной стороны, жесткие ограничения на интерпретацию исторического прошлого в дискурсе отсутствуют; с другой стороны, любая интерпретация исторического прошлого в той или иной степени должна соответствовать нарративу властвующего субъекта. **Целью** данной статьи является рассмотрение авторитаризма в мнемической сфере интеракции общества и государства, анализ способов его конституирования и возможных последствий.

Мнемический авторитаризм может быть использован при конструировании разного рода мифологем, отвечающих задаче позитивной легитимации действий властвующего субъекта. Одной из таких мифологем является «особый путь». Отношение к событиям прошлого, их восприятие и интерпретация могут стать основой мифологемы «особого пути». В частности, манипулируя восприятием исторического прошлого, властвующий субъект легитимирует принятие этого особого пути в настоящем, показывая, что ранее следование ему влекло за собой исключительно позитивные последствия для развития общества и государства. Экстраполировать его опыт возможно не в буквальном виде, но посредством воспроизведения отдельных его фрагментов, отвечающих существующей ценностно-нормативной доминанте и полаганию мира властвующим субъектом. Особый путь в контексте мнемического авторитаризма может быть определен либо сакрально – посредством религии, либо исторически, как результат развития форм политических практик и форм культуры. Задачей использующего мнемический авторитаризм властвующего субъекта является не только создание унифицированных стандартов восприятия прошлого, но и формирование асинхронности и противоречивости исторической памяти, приводящее к отсутствию в обществе консенсуса по поводу событий исторического прошлого и вынуждающее к принятию точки зрения властвующего субъекта не только как единственно верной,

но и адекватной настоящему. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Ф. Анкерсмита о «приватизации прошлого» [1], связанная с тем, что обществу и индивиду навязывают определяемое властвующим субъектом понимание исторического прошлого. Поскольку историческое прошлое представляет собой значительный массив информации, то для его «приватизации» необходимо создать определенные мнемические маркеры – знаковые события исторического прошлого либо конкретные исторические персонажи, отношение к которым является условием либо интеграции, либо дезинтеграции общества и властвующего субъекта в рамках дискурса. В качестве мнемического маркера могут быть использованы не только историческое событие, но и конкретная историческая личность, её позитивные и негативные действия.

Конструирование мнемических маркеров определяется полаганием мира властвующего субъекта, но обоснование их значимости в дискурсе является задачей представителей научного сообщества, создающих необходимое научное обоснование, обеспечивающее принятие или неприятие тех или иных аспектов исторического прошлого в рамках дискурса. У. Истерли для описания этой ситуации употребляет понятие «тирания экспертов» [6], под которым понимает деятельность различных экспертов, направленную на обоснование авторитарного развития как наиболее эффективного. Необходимость принятия авторитаризма может быть обоснована как политической и экономической предрасположенностью, так и культурными особенностями, источником которых могут быть события прошлого. Автору можно возразить в том плане, что, применимо к мнемической сфере, можно скорее говорить не о тирании, а об ограничении интерпретативной автономии [1, с. 135] общества и индивида, которая определяется преобладающей в дискурсе политической культурой. Ограничивая автономию интерпретации, эксперты формируют определенный контекст, в рамках которого происходит восприятие событий прошлого. Это восприятие должно соответствовать установленной властвующим субъектом ценностно-нормативной матрице, согласно которой одни события прошлого в рамках властвующего нарратива объявляются обладающими позитивным значением, а другие – негативным. Память индивида и общества в данном случае подвергается идеологическим манипуляциям, что может привести в терминологии П. Рикера к возникновению «неправильной памяти» [8].

Возникновение «неправильной памяти» обусловлено конфликтом между общепринятым пониманием истории и её индивидуально-личностным восприятием, который характерен для общества с любой формой политической организации. Об этом упоминал М. Хальбвакс, писавший о том, что существует конфликт между коллективной и индивидуальной памятью, причины которого – в различном восприятии истории в сознании общества и индивида [10, с. 10]. Преодоление этой дихотомии становится задачей властвующего субъекта, поскольку память как механизм воспроизведения истории ненадежна, а потому нуждается в контроле и управлении, который может быть осуществлен прогрессивным или регрессивным способами, в зависимости от контекста [Там же, с. 11]. Под контекстом в данном случае следует понимать совокупность традиций, норм культуры и мировоззренческих ориентаций, определяющих характер властеотношений общества и государства в рамках современного исторического и политического дискурса. Появление в рамках данного дискурса понятия «публичная история» [3], под которым понимается прежде всего история популярная, идеализированная версия каких-либо событий, отражает тенденцию политизации исторического знания со стороны властвующего субъекта и запрос на это у определенной части общества. Одной из форм реализации этого запроса является мнемический авторитаризм, характер конститuirования которого определяется не только типом властвования, но и характерными для него традициями и нормами культуры. Например, мнемический авторитаризм Китая в своем конститuirовании ориентируется на прошлое как источник традиций и связанного с ними ценностно-нормативного базиса. Властвующий субъект при этом формирует восприятие прошлого как важного, но полностью не определяющего социальное бытие индивида фактора. Исторический нарратив в данном случае касается прежде всего формирования понимания уникальности китайской культуры как ментально и онтически противоположной западной, но способной в отдельных моментах интегрироваться с ней либо перенимать ее отдельные черты. Это, в частности, находит отражение в политической организации китайского мнемического авторитаризма, включающего в себя отдельные элементы демократии, такие как активное использование информационно-коммуникативных технологий, что на деле является еще одним инструментом контроля над восприятием знаковых событий исторического прошлого. Например, в 2010 г. большой резонанс в социальных сетях вызвали действия по предотвращению публичного поминовения погибших во время событий на площади Тяньаньмынь в 1989 г., выразившиеся в том числе и в блокировании в поисковых машинах ряда относящихся к дате «4 июня» терминов, включая слова «вчера» и «сегодня» [11].

В целом можно сказать, что мнемический авторитаризм Китая развивается по двум направлениям: внешнему – создание образа китайской истории для решения задач внешней политики, демонстрирующему уникальную культуру, ее многообразие, лучшие качества китайского народа, и внутреннему, связанному с формированием национального самосознания, основанного на восприятии китайской культуры как неповторимо уникальной, в отличие от западной. Как считает А. В. Владимирова, в Китае контроль со стороны государства за транслированием различных аспектов истории сформирован исторически и обусловлен культурно [3]. Точка зрения автора заслуживает внимания, но может быть оспорена в том плане, что мнемический авторитаризм Китая носит прогрессивный характер, и фрагменты исторического прошлого, важные для идеологии или национальной идентичности, он транслирует избирательно. Кроме того, применение идеологом прошлого в конститuirовании современных практик властвования делается не в ущерб достижениям национальных интересов, что предполагает взаимодействие с акторами, в том числе и с теми, которые придерживаются демократического властвования. В свою очередь, в арабских странах мнемический авторитаризм

конституируется посредством сакрализации прошлого, что происходит через призму религии, это может способствовать авторитаризации сознания индивида и общества.

Уникальность исторического прошлого определяется не только компонентом традиции и культуры, но и религии; это даёт возможность властвующему субъекту переформатировать восприятие исторического прошлого в сознании индивида и общества в рамках агонального – предполагающего конфронтационный эффект взаимодействия – дискурса. Примером этого может служить политика памяти современного Ирана, концептуальным базисом которой являются свержение режима шаха Реза Пехлеви и становление теократической диктатуры; это было связано с сакрализацией проводившего антизападную политику премьер-министра Мохаммеда Моссадыка и маргинализацией всего, что было связано с Западом, в период правления шаха Пехлеви [5, с. 58]. В случае китайского и иранского мнемического авторитаризма использующий его властвующий субъект стремится к легитимации своих действий посредством интерпретации исторического прошлого либо к обоснованию исторической обусловленностью противостояния с онтически и ментально противоположной культурой, носителем которой является какое-либо государство. В случае азиатского мнемического авторитаризма эти различия обусловлены разницей в менталитете и ценностях по сравнению с западным миром; в случае арабского мнемического авторитаризма это в рамках исторического нарратива предопределено принципиальной несовместимостью культур запада и арабского востока, конфликтным потенциалом их возможного взаимодействия. Следует заметить, что конституирование мнемического авторитаризма в арабском мире имеет некоторую дифференциацию, обусловленную не только культурой и традицией, но и вполне определенной внешнеполитической необходимостью. Так, например, ряд арабских государств поддерживает партнерские отношения с США, при том что по культурным, ментальным и мировоззренческим основаниям эти государства значительно отличаются друг от друга.

Мнемический авторитаризм как практика переформатирования восприятия исторического прошлого в сознании общества и индивида легитимирует действия властвующего субъекта двумя путями: во-первых, акцентуацией в сознании общества негативных аспектов событий прошлого, тем самым оправдывая действия властвующего субъекта, направленные на то, чтобы не повторить их в настоящем; во-вторых, напоминая о значительных достижениях в прошлом, условием повторения которых в настоящем является существование соответствующего типа политической организации. Мнемический авторитаризм можно считать разновидностью политики памяти, которую А. Миллер определяет как форму непрямого управления обществом и индивидом [7]. Соглашаясь с автором, отметим, что политика памяти как проявление мнемического авторитаризма действительно имеет не прямой характер, поскольку не предполагает непосредственного принуждения индивида к чему-либо; но вместе с тем её авторитарный аспект заключается в переформатировании сознания общества и индивида таким образом, чтобы они фактически добровольно ограничили возможности личной интерпретации прошлого в пользу трактовки его властвующим субъектом. В пользу этого утверждения говорит мнение О. Ф. и В. М. Русаковых, согласно которому политика памяти представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа [9, с. 11]. Эти формы и способы предполагают создание системы представлений об историческом прошлом, выступающей основой ценностного и нормативного консенсуса в обществе. Для определения этой системы можно использовать понятие «социальные рамки», которые, по определению М. Хальбвакса, «возникают естественным путем в ходе развития человеческой культуры и являются одним из важнейших способов поддержания ее целостности» [10, с. 135]. Впрочем, естественное возникновение подобных рамок невозможно хотя бы по причине различных подходов к интерпретации истории, обусловленных ментальными, культурными и ценностными различиями между индивидами. Это понимал и сам автор, утверждавший, что память не является индивидуальным процессом хранения впечатлений, достоянием отдельного индивида; она должна быть частью единого мнемического дискурса, устанавливаемого субъектом властвования [Там же]. Социальные рамки в этом случае являются органичной частью процесса конструирования социальной реальности субъектом властвования, включающей в себя различные аспекты культуры, одним из которых является мнемическая сфера.

«Социальные рамки» памяти как форму проявления мнемического авторитаризма нельзя определять как однозначно деструктивный феномен, поскольку он предполагает некоторый плюрализм дискурса и формальное отношение индивида и общества к устанавливаемым мнемическим нормам. Так, индивид может в своём восприятии и отношении к прошлому разделять нарратив официального дискурса, но при этом сохранять субъективное отношение к событиям исторического прошлого, не соответствующее общепринятому. Деструктивный аспект «социальных рамок» мнемического авторитаризма может проявляться в тенденции властвующего субъекта к монологизму в дискурсе как стремлении навязать единственно правильное восприятие событий исторического прошлого, создав на основе этого не подвергаемый критике и сомнению онтический идеал. Согласно К. С. Илларионовой, подобный монологизм в дискурсе формирования отношений к событиям исторического прошлого приводит к обострению противостояния «свой – чужой» [4] не только между обществом и властвующим субъектом, но и между членами одной социальной группы. В этом случае индивид, разделяющий общепринятую точку зрения на какое-либо событие исторического прошлого, свободно интегрируется в рамках установленного дискурса, в то время как индивид, придерживающийся противоположной позиции, испытывает на себе определенное давление со стороны социальной группы или властвующего субъекта, может вытесняться из дискурса. В последнем случае мнемический дискурс имеет ярко выраженный конфронтационный характер, что позволяет говорить о таком явлении, как «войны памяти» [2]. «Войны памяти» выступают крайней формой конституирования мнемического авторитаризма, когда властвующий субъект исчерпал иные возможности для переформатирования сознания индивида и общества.

Подводя итог написанному выше, можно утверждать, что мнемический авторитаризм является одной из форм конструирования социальной реальности властвующим субъектом в соответствии с его ценностными и нормативными доминантами. Воспоминания индивида о прошлом формируют его нормативно-ценностный базис и влияют на его оценку событий настоящего или возможных явлений будущего. Контроль за мнемической сферой позволяет властвующему субъекту выйти на новый уровень изменения массового и индивидуального сознания, манипулировать ими не посредством репрессивных, но при помощи культурных практик, одной из коих является мнемический авторитаризм, под которым понимается практика переформатирования сознания общества и индивида, основанная на необходимости соответствия восприятия ключевых, по мнению властвующего субъекта, исторических событий сообразно его ценностным доминантам.

Результатом воздействия мнемического авторитаризма становится мнемический конформизм, проявляющийся в ситуации механической солидарности мнений индивида и общества с интерпретацией событий исторического прошлого властвующим субъектом. Это происходит не только по причине страха перед репрессивным воздействием, но и из-за опасений быть вытесненными из научного, культурного и информационного дискурса, поскольку идентичность в мнемической сфере становится одной из основ социальной интеракции индивида и общества и властвующего субъекта. Таким образом, индивиду становится проще самому оказаться от свободы интерпретации исторического прошлого в пользу общепринятых точек зрения, что приводит к самоцензуре как частному случаю проявления мнемического конформизма.

В современном дискурсе проявления мнемического авторитаризма могут носить как прогрессивный, так и регрессивный характер. В условиях глобального информационного общества история прошлого может подвергаться самым разнообразным интерпретациям, что может нарушить целостность ее восприятия, сместить акценты с действительно значимых событий на незначительные. В этом случае усилия властвующего субъекта, направленные на своего рода консервацию отношения к историческому прошлому, могут способствовать интеграции между отдельными членами общества, общества и государства, сохранению восприятия уникальности и значимости истории. Регрессивный аспект мнемического авторитаризма связан со стремлением властвующего субъекта к легитимации своих действий в настоящем посредством апелляции к историческому прошлому. Последствием этого становится необходимость переформатирования сознания общества и индивида, связанная с детерминированием такой интерпретации исторического прошлого, которая отвечает интересам властвующего субъекта в настоящий момент времени. Учитывая возрастание роли информационно-коммуникативных технологий в социальном бытии индивида, властвующий субъект обладает широкими возможностями по транслированию в дискурс необходимого ему мнемического нарратива. Но в условиях глобального информационного общества становится больше не только форм контроля за индивидом, но и альтернативных источников информации, отличных от официального дискурса. Эта ситуация создаёт предпосылки для сохранения противоречия между восприятием исторического прошлого в сознании общества и полаганием мира властвующим субъектом и для сохранения тенденции к авторитаризации современного мнемического дискурса.

Авторитарность в мнемической сфере проявляется в отсутствии прямых запретов на формулирование альтернативной общепринятому дискурсу точки зрения на восприятие тех или иных событий исторического прошлого. Но наряду с этим властвующий субъект использует прошлое не только как оправдание своего властвования в настоящем, но и некоторых возможных его проявлений в будущем. У индивида в случае мнемического авторитаризма может не быть прямых ограничений на формирование субъективного восприятия исторического прошлого, однако властвующий субъект может задействовать ряд не прямых механизмов воздействия, среди которых можно выделить информационно-коммуникативные технологии. Их использование в практике мнемического авторитаризма позволяет расширять масштаб воздействия на сознание общества и индивида, транслирования в них отвечающих официальному дискурсу точек зрения на события исторического прошлого.

Список источников

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт / пер. А. А. Олейникова, И. В. Борисовой, Е. Э. Ляминой. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / предисл. А. Касаева. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
3. Владимирова А. В. Китайский исторический нарратив в эпоху глобальных медиа // Артикульт. 2013. № 3 (11). С. 98-106.
4. Илиполова К. С. Противоречие «свой – чужой» в социокультурной коммуникации [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. филос. н. Ростов н/Д, 2010. URL: <http://cheloveknauka.com/protivorechie-svoy-chuzhoy-v-sotsiokulturnooy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.03.2019).
5. Исаков А. С. Фракционистское измерение политики памяти в Иране: концептуальные основы // Дискурс Пи. 2015. № 3-4 (20-21). С. 57-64.
6. Истерли У. Тирания экспертов / пер. с англ. О. Левченко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 496 с.
7. Миллер А. И. История империй и политика памяти [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2008. № 4. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_11151 (дата обращения: 12.02.2019).
8. Рикер П. Память. История. Забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 728 с.
9. Русакова О. Ф., Русаков В. М. Агональный дискурс современной политики памяти // Дискурс Пи. 2015. № 1 (18). С. 10-19.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
11. Tian L. China Is Serious about Intellectual Property [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal (Eastern edition). 2010. December 15. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703727804576017992675772926> (дата обращения: 18.04.2019).

MNEMIC AUTHORITARIANISM DEVELOPMENT IN MODERN POLITICAL DISCOURSE

Vyalykh Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Political Sciences
Orenburg State Medical University
vylx@mail.ru

Modern authoritarianism modifications development is conditioned not only by the practice of the political and economic subjugation of the society but also by the actions aimed to re-format its consciousness using information and communication technologies. To achieve this purpose, the ruling authorities use special practices influencing individuals' ability to memorize and reproduce information on past events – mnemic authoritarianism. This concept is considered as a process of re-formatting individuals' memory space using certain socio-cultural practices presupposing an individual's inability to evaluate certain past events and his readiness to interpret them according to the value and normative matrix of the ruling authorities.

Key words and phrases: authoritarianism; mnemic sphere; rule; interpretation; conformism; autonomy; culture.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 19.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.27>

В статье анализируются теоретические представления об игре в культурно-исторических, психологических, феноменологических, антропологических и системно-теоретических суждениях. Эпистемологическое осмысление коммуникации игры достигается благодаря неклассической позиции в понимании социальных практик – каким образом нормы, убеждения становятся общепринятыми в обществе. Коммуникация игры «Символическое – Воображаемое – Реальное» соответствует принципам постнеклассической парадигмы. В результате проведённого анализа автор формулирует: «медиаальность игры» – свойство коммуникации игры, проявляющееся в подвижности «формы – содержания» трансляции, воспроизводства и самоорганизации социально-значимых ценностей и смыслов общества.

Ключевые слова и фразы: игра; языковая игра; коммуникация; социальная эпистемология; социальность; самоорганизация; медиаальность игры.

Григорьева Лариса Юрьевна

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
glorica@mail.ru

КОНЦЕПТ «МЕДИАЛЬНОСТЬ ИГРЫ» В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ КОММУНИКАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Благодаря научно-техническим инновациям, происходящим в обществе, современное общество становится всё более и более «играющим». Самым распространённым средством манипуляции общественным мнением становятся такие форматы «языковых игр», как ток-шоу и интервью. Повседневные практики языковой игры в технологиях массмедиа, в большей степени инициированные условиями коммуникации в Интернете, становятся всё более разнообразными. Технологичность новых медиа, определяя возрастающую свободу высказывания, вынуждает и традиционные медиа становиться всё более диалогичными. Игра, так же, как и языковая игра, становится распространённым феноменом современной цивилизации, но, одновременно, этот феномен обладает имманентным, слаборефлексируемым характером для обыденного сознания в силу своей повседневности [4; 5; 6, с. 49].

В условиях нестабильности общественных структур (Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, К. Шваб и др.), эксплуатации массового сознания манипулятивными технологиями идеологических институтов (Т. В. Адорно, Л. Альтюссер, С. Жижек и др.) становится **актуальным** провести методологическую работу по формированию ряда категорий, описывающих коммуникации общества и механизмы трансформации связей индивидуальности и общества.

Цель данной статьи – эксплицировать дискурсивную и эпистемологическую процедуры в представлении феноменов «коммуникации игры», «языковая игра» в содержании категории «медиаальность игры». Проблематика исследования задается гипотезой о критическом положении системы жизни общества, в котором языковые игры могут быть запрещены в публичном политическом пространстве, например, законодательно, – во имя стабильности общества и государственной безопасности. Очевидно, что в заданной траектории исследования повседневные практики массмедиа выполняют симптоматичную роль проявляющейся трансформации социальности [15, с. 6, 15]. Исследовательская задача заключается в прояснении скрытых, имманентных коммуникативных механизмов игры и языковой игры в процессах развития общества и социальности.

Автор утверждает: в имманентности игры, в усилении игровых правил коммуникации, транслируемых и тиражируемых массмедиа, проявляется один из фундаментальных принципов коммуникации и социальных механизмов развития общества – самоорганизация общества и трансформация социального. В методологии данного исследования использованы трансдисциплинарные принципы [8], возможные только в постнеклассической парадигме современной социоэпистемологии [14; 16]. Для социоэпистемологических